

Д. А. БУДЮКИН

СИСТЕМА БЕЗУМИЯ СМЕРТЬ, СОЦИУМ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Рец. на кн.: *Замура О.* «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. Київ: К.І.С., 2014. 240 с. (Замура Е. «Великий безумець»: смерть и смертность на Гетманщине XVIII в.)

Ключевые слова: *смерть, погребение, похороны, траур, Гетманщина, православие.*

Рассматриваемая в рецензируемой монографии проблема состоит из двух частей. Одна из них – вопрос о смертности, находящийся в сфере изучения исторической демографии и некоторых разделов истории повседневности (питание, гигиена, медицина, одежда). Вторая – значительно менее разработанная проблема смерти как социального феномена, конструируемого в представлениях и выступающего в качестве причины практик, которая относится к полю интеллектуальной истории. Однако и в тех разделах монографии, в которых рассматриваются историко-демографические характеристики социума Гетманщины есть интересные наблюдения, связанные с социальным восприятием смерти. Так, отмечая нередкое употребление в источниках иносказательного обозначения чумы как «чего Боже сохрани», автор делает вывод о том, что такая формула выражает не только страх, но и средневековое восприятие болезни как Божьей кары (с. 71).

Наибольший интерес представляет раздел книги «Траурные практики». В этой части исследования автор рассматривает и сопоставляет господствовавшие на Гетманщине в XVIII в. официально-церковные и народные представления о «доброй» и «злой» смерти, а также сложившиеся практики, связанные с погребением и трауром.

Согласно Требнику митрополита Петра Могилы, предпринявшего значительные усилия по систематизации вероучения и упорядочению религиозных практик, обязательными составляющими «доброй» христианской кончины являются присутствие священника, исповедь, отпевание в церкви и погребение в освященной земле (с. 137). Соответственно, внезапная смерть, лишавшая умирающего возможности исповедаться и причаститься, рассматривалась как «злая» и ставила под сомнение возможность христианского погребения покойного. В связи с этим Е. Замура выясняет обстоятельства смерти, вынуждавшие священников и мирян Переяславско-Бориспольской епархии специально хода-

тайствовать о разрешении на похороны. За 1746-1783 гг. было зафиксировано пятнадцать таких ходатайств при следующих обстоятельствах: пять убийств, два самоубийства, три несчастных случая, одна смерть в дороге при невыясненных обстоятельствах, две смерти во сне и две в шинке в состоянии опьянения. Одиннадцать ходатайств были удовлетворены, решения по трем не сохранились, и только одно было отклонено (с. 146-147). Единственное оставшееся без удовлетворения ходатайство связано с заключенным, утонувшим при побеге из-под стражи; при этом, как обоснованно предполагает автор книги, отказ был связан в первую очередь с отсутствием у покойного близких, которые могли бы оплатить похороны или обидеться на отказ (с. 154). Интересно, что в обоих случаях самоубийства христианское погребение было разрешено консисторией. В одном из них основанием для разрешения стало предположение умственного расстройства покойного. В другом случае решение нельзя назвать вполне положительным: повесившегося священника разрешили похоронить по-христиански, но без священнического облачения, что, по мнению Е. Замуры, свидетельствует о лишении покойного возможности предстать перед Страшным судом в новых священнических одеждах, что дало бы ему первоочередной шанс на спасение (с. 153). Отметим, что отказ в погребении умерших неестественной смертью («заложных») покойников был древнейшей, восходящей к язычеству практикой, преодоление которой на Руси А.И. Алексеев связывает с обострением эсхатологических ожиданий в XV–XVI вв.¹ Поэтому невозможно согласиться с мнением автора о том, что народная культура усвоила христианские представления о негативном значении преждевременной смерти лишь в течение XVIII в. (с. 162). Архаичным выглядит и включение самоубийц (спокойное отношение к которым как к «своим» особо отмечено – с. 163) в общую категорию умерших «злой» смертью без выделения их в отдельную группу.

В связи с активизацией в современной науке активизацией изучения алтарных/престольных посвящений обращает на себя внимание отмеченное автором мнение украинского духовного писателя Иоанникия Гялятовского о необходимости при подготовке проповеди для похорон иметь в виду посвящение церкви, где хоронят усопшего, в предположении помощи в посмертной участи со стороны «хозяина» храма (с. 140).

Важным представляется наблюдение автора о существовании в представлениях населения Гетманщины погребальных зон различной степени святости – феномене хорошо известном и изученном, в частно-

¹ Алексеев 2002. С. 96-99.

сти, Ф. Арьесом². Разумеется, самым почетным местом для захоронения была церковь. Петр Могила в Требнике четко определил требования к расположению в пространстве храма мощей мучеников (в алтаре и близ него) и могил священников (за клиросами и на паперти)³. Митрополит также указал, что погребения мирян в церкви должны быть отделены от погребений духовенства, не уточняя требования к их размещению и, вероятно, не одобряя внутривхрамовое погребение мирян в целом (с. 159). Следует учесть, что запреты и ограничения внутривхрамового погребения постоянно повторялись в христианских нормативных текстах на всем протяжении Средневековья и Нового времени, что, однако, слабо влияло на существующие практики⁴. Некоторое влияние этих запретов и идеала христианского смирения, все же имело место, и Е. Замура упоминает в качестве такого исключения завещание генерального хорунжего Микола Ханенко, отказавшегося заботиться о месте своего упокоения и предоставившего наследникам право решать этот вопрос как им угодно, заявляя, что воскреснет в день Страшного суда независимо от места погребения (с. 159-160). Распространение в XVII в. такого проявления смирения отмечает и Ф. Арьес⁵.

Тем не менее обычным местом погребения казацкой элиты был храмовый склеп. Автор книги не отмечает в связи с этим, что расположение погребения в склепе в подклете церкви выводит его из сферы действия требований к его расположению в храмовом пространстве. Указывается, что большинство похороненных в церквях представителей казацкой старшины были фундаторами этих храмов. При этом бунчуковый товарищ Гадячского полка Федор Потребич-Гречаный был похоронен в часовне на кладбище, что вызвало предположение автора о том, что он осознавал недостаточность своего статуса для погребения в церкви (с. 160-161). Однако на данный момент нет никаких определенных данных о непосредственном влиянии сословия, чина или происхождения мирянина, не принадлежащего к правящей династии, на перспективы его погребения в церкви. В качестве факторов влияния здесь выступают заслуги в благотворительности в пользу Церкви (в первую очередь крупные вклады и храмоздательство), а также выдающиеся личные качества, рассматриваемые как проявления праведности или

² Арьес 1992. С. 78.

³ Расположение погребений в интерьере храма, не регламентированное в Византии, на Балканах и в Древней Руси, в русском православии определялось постепенно складывавшимися обычаями. Шалина 2008.

⁴ Арьес 1992. С. 74-76.

⁵ Арьес 1992. С. 290.

святости (в широком смысле: включая, например, религиозно значимую воинскую доблесть)⁶. Поэтому вполне вероятно, что на Гетманщине в XVIII в. внутрехрамовое погребение обычного мирянина, который не был храмоздателем либо потомком такового, не воспринималось как норма; однако автор никак не акцентирует этот вопрос.

Интересны данные о запрете строительства надмогильных часовен («каплиц») и установки на могилах столбов с «хоругвицами» как «языческого обычая» переяславским епископом Гервасием в 1758 г. (с. 166). Автор проводит здесь однозначную параллель с запретом ставить над погребаемыми при церквях мертвецами «будки» для чтения Псалтири по указу Петра I от 26 октября 1723 г.⁷ Этот вопрос требует тщательного изучения с учетом распространенности сооружения погребальных часовен в России XIX в., в том числе и в малороссийских губерниях.

Во время раскопок кладбища при церкви в Полтавской области был обнаружен специальный участок для погребения детей, расположенный к северо-востоку от церковного здания. При этом нет никаких оснований утверждать о наличии прямой связи между финансовыми возможностями и соображениями престижа родителей и выбором места для погребения детей на кладбищах Гетманщины. Автор предполагает, что детские захоронения располагались рядом в силу православной традиции, чтобы в день Страшного суда их души не пересекались с грешными душами взрослых (с. 164-165).

Оценивая затраты представителей разных социальных слоев на похороны и поминание, автор делает вывод, что для казацкой элиты эти усилия имели земную цель, поддерживая высокий статус и престиж семьи покойного и значительно превышая необходимые для обеспечения пребывания души в раю до Страшного суда (с. 171). Безусловно, затраты на похороны и поминание нередко имеют сугубо земные цели. Как убедительно показал О.И. Хоруженко, имели место случаи установления надгробий вымышленных лиц и внесения вкладов на их поминание в целях конструирования памяти, «выстраивания словесной и родовой идентичности» и ее презентации⁸. Однако не следует забывать о том, что социальные практики и представления, в частности, представления о характере и масштабе необходимых для спасения души практик, не остаются неизменными с течением времени⁹. Поэтому вряд

⁶ Будюкин 2015.

⁷ ПСЗРИ. 1830. Т. 7. С. 143.

⁸ Хоруженко. 2014. С. 222.

⁹ Алексеев 2002. С. 45-107.

ли можно априорно утверждать о достаточности этих практик в конкретное место и время, не привлекая соответствующие источники.

Обращает на себя внимание характерное для современной украинской историографии стремление автора вписать исследуемые феномены в контекст Запада, в первую очередь Речи Посполитой (включая польские территории с явным преобладанием католицизма). При этом практически игнорируются данные, в т.ч. опубликованные, по похоронным и траурным практикам великорусских губерний, в рассматриваемый период не только имеющих с Гетманщиной общую религию, но и находящихся в составе одного государства – Российской империи¹⁰.

В целом рецензируемая монография выполнена на высоком научном уровне и имеет важное значение как первая крупная работа, посвященная восприятию смерти в одном из регионов Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
- Будюкин Д.А.* Общественное и религиозное значение внутривоскресенного погребения военачальников в России XVIII-XIX вв. // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 47-51.
- Ар'ес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Замура О.* «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. Київ: К.І.С., 2014. 240 с.
- Озеров Ю.В.* Отражение социального мировоззрения в народных погребальных традициях курского края XIX – начала XX веков // Международный симпозиум «Путь, истина и жизнь». Материалы научно-практической конференции «Мировоззренческая обусловленность в науке, образовании, медицине и социальной практике». Альманах. Вып. 6. Курск, 2011. С. 64-66.
- Озеров Ю.В.* Погребение в церковных оградах как феномен русского некрополя (на примере Курской губернии) // Научные записки МЭБИК за 2008 год. Вып. VIII. Курск: Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, 2009. С. 67-70.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 тт. СПб., 1830.
- Хоруженко О.И.* Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 219-240.
- Шалина И.А.* Захоронение преподобного Иосифа Волоцкого и символическая традиция мест погребения русских чудотворцев // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М.: Сев. паломник, 2008. С. 126-152.

REFERENCES

- Alekseev A.I. Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv. SPb.: Aleteiya, 2002. 352 s.
- Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti. M.: Progress, 1992. 528 s.

¹⁰ Например, по территориально смежной с Гетманщиной Курской губернии: *Озеров* 2009; 2011.

- Budyukin D.A. Obshchestvennoe i religioznoe znachenie vnutrikhramovogo pogrebeniya voenachal'nikov v Rossii XVIII-XIX vv. // Voенно-istoricheskii zhurnal. 2015. № 4. S. 47-51.
- Khoruzhenko O.I. Plita Skhorosmira: pominal'nyi obychai v konstruirovanii ro-dovoi pam'yati // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 219-240.
- Ozerov Yu.V. Otrazhenie sotsial'nogo mirovozzreniya v narodnykh pogrebal'nykh traditsiyakh kurskogo kraya XIX – nachala XX vekov // Mezhdunarodnyi simpozium «Put', istina i zhizn'». Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mirovozzrencheskaya obuslovlennost' v nauke, obrazovanii, meditsine i sotsial'noi praktike». Al'manakh. Vyp. 6. Kursk, 2011. S. 64-66.
- Ozerov Yu.V. Pogrebenie v tserkovnykh ogradakh kak fenomen russkogo nekropolya (na primere Kurskoi gubernii) // Nauchnye zapiski MEBIK za 2008 god. Vyp. VIII. Kursk: Kurskii institut menedzhmenta, ekonomiki i biznesa, 2009. S. 67-70.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. V 45 tt. SPb., 1830.
- Shalina I.A. Zakhoronenie prepodobnogo Iosifa Volotskogo i simvolicheskaya tra-ditsiya mest pogrebeniya russkikh chudotvortsev // Prepodobnyi Iosif Volotskii i ego obitel'. M.: Sev. palomnik, 2008. S. 126-152.
- Zamura O. «Velikii shalenets'»: smert' i smertnist' v Get'manshchini XVIII st. Kiiv: K.I.S., 2014. 240 s.

Будюкин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; boudukin@yandex.ru

The system of madness: death, society and religion

Review: Замура О. «Великий шаленець»: смерть і смертність в Гетьманщині XVIII ст. Київ: К.І.С., 2014. 240 с. (Замура Е. «Великий безумець»: смерть и смертность на Гетманщине XVIII в.)

Keywords: death, burial, funeral, mourning, Hetmanate, Orthodoxy.

Dmitri Budiukin, PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities and Natural Science, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; boudukin@yandex.ru